

НОВЫЙ МИР

10

1957

10

НОВЫЙ МИР

1957

НОВОЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXIII

№ 10

Октябрь, 1957 г.

О Р Г А Н С О Ю З А П И С А Т Е Л Е Й С С С Р

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
ПЕРЕДОВАЯ — Главная линия	3
НА СОРОКОВОМ ГОДУ. ОЧЕРКИ НАШИХ ДНЕЙ	
А. ХАВИН — Новая география научного творчества	10
СОФЬЯ ВИНОГРАДСКАЯ — Первые годы, рассказы	26
МИХ. ШЕСТЕРИКОВ — Огонек моей юности, лирическая поэма	63
ВЛ. СОЛОУХИН — Владимирские проселки. Окончание	75
АЛЕКСАНДР КОРЕНЕВ — Истоки, стихи	135
Е. ДРАБКИНА — Котелок. Из рассказов о днях революции	139
СТЕПАН ШИПАЧЕВ — Два стихотворения	158
СОРОК ЛЕТ НАЗАД. ОКТЯБРЬ, 1917 год..	159
А. АНТОНОВ — Именем Военно-революционного комитета	
Р. БОРИСОВА — У волгарей	
А. БРАТАЛЬСКИЙ — В Белгороде	
Б. ЭТИНГОФ — Начало новой эры	
С. СТРИЕВСКАЯ — В новом ВЦИКе	
ИЗ ДОКУМЕНТОВ ТЕХ ДНЕЙ	
ПУБЛИЦИСТИКА	
Министр культуры СССР Н. МИХАЙЛОВ — Праздник мира и дружбы	188
А. ЛЕОНИДОВ — Заговор душителей революции	195
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
В. ОЗЕРОВ — Ум, честь и совесть нашей эпохи	213
ЗА ИДЕЙНУЮ ЧИСТОТУ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА! (Новые материалы из литературного наследия А. А. Фадеева)	236
<i>Перечитывая книги...</i>	
Ю. ЛИБЕДИНСКИЙ — Песнь о битве народной	246
КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ	
<i>Литература и искусство</i>	
Вл. Баскаков. Судьбы народные. — Борис Слуцкий. «Живу в двадцатом веке». — А. Наркевич. Русские очерки. — Сергей Наровчатов. Светлый талант. — Г. Брейтбурд. Новый роман Альберто Моравиа.	254

(См. на обороте)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	Стр.
<i>Политика и наука</i>	268
В. Невзоров. Ученый-революционер.— Е. Ковалев. Великая сила Китая.— А. Мельчин. Жизнь героя.— Полковник Н. Денисов. Третья тысяча...— Л. Василевский. Управляемые снаряды США.— Г. Толокольников. Быть всегда начеку.	
ОТГЛОСКИ МИНУВШЕГО	282
А. Дун. Судьба одной пародии.— А. Ротштейн. Письмо в редакцию.	
КОРОТКО О КНИГАХ	284
КНИЖНЫЕ НОВИНКИ	287

А. ЛЕОНИДОВ

★

ЗАГОВОР ДУШИТЕЛЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

ПЛАН «ВТОРОЙ ИНДИИ»

Выступая 28 июня 1954 года в Национальном клубе печати в Вашингтоне, Уинстон Черчилль сказал: «Если бы меня надлежащим образом поддержали в 1919 году, то, я думаю, мы могли бы задушить коммунизм в его колыбели». Надо отдать должное старейшему политику английской буржуазии — он не боится называть вещи своими именами. Задушить великое коммунистическое движение Ленина «в колыбели», прежде чем оно успеет окрепнуть и стать мировой силой, — именно об этом мечтали английские, французские и американские империалисты сорок лет назад. Черчилль дал совершенно точное определение их политики. Но он не в ладу с фактами, когда старается создать впечатление, будто предложенная им попытка была предпринята только в 1919 году, и притом не «надлежащим образом». Нет, история говорит о другом. Факты и документы не оставляют сомнений в том, что заговор Антанты против социалистической революции в России был организован «своевременно», что он начался задолго до Октября и вооруженной интервенции англичан и французоз.

В 1917 году и в 1918—1920 годах Антанта вела на территории России одну и ту же политику — политику «душителю». Разница состоит лишь в том, что в первый период иностранные заговорщики оставались за кулисами; на виду была одна русская контрреволюция. Но уже в те дни ее верховное начальство находилось в Париже и Лондоне. Почти все активные деятели контрреволюции еще до Октября были прямо или косвенно связаны с иностранным капиталом или с разведками Антанты. Денежные средства для контрреволюционных организаций и авантюров шли из тех же источников. Не только профессиональные политики буржуазии, но и виднейшие генералы старого царского командования и нового окружения Керенского были втянуты в сеть, концы которой сходились за рубежом. Как мы увидим далее, было сделано все, чтобы всерьез осуществить замысел, так образно выраженный Черчиллем. Открытой внешней интервенции Антанты предшествовала тайная внутренняя интервенция в 1917 году, и ни Черчилль, ни его единомышленники не могут винить себя в том, что «колыбель» оказалась неприступной.

Что побудило стратегов западного капитализма пойти на внутреннюю интервенцию в России? За истекшие сорок лет на эту тему было написано немало книг. Теперь совершенно ясно, что объяснения, приводившиеся в свое время министрами, дипломатами и генералами Антанты, ответственными за ее политику: в те годы, нисколько не раскрывали подлинной подоплеку дела. Верно, например, что Антанта была заинтересована в том, чтобы продлить участие России в империалистической войне. Но наивно думать, что только к этому и сводилась ее политика. Уже к весне 1917 года правящим кругам Англии и Франции стало ясно, что царский режим довел Россию до последней степени истощения, что она не хочет войны и что по-прежнему рассчитывать на бесконечные жертвы с ее стороны так или иначе не приходится. Как следует из ряда документальных данных, уже отнюдь не этот вопрос больше всего волновал тогда наиболее сведущих политиков Лондона и Парижа.

Шла ли речь только о том — как это позднее утверждали десятки политиков и комментаторов в Англии и Франции, — что капиталисты Антанты боялись потерять

пятнадцать миллиардов золотых рублей, которые задолжала им старая Россия? Бесспорно, эти пятнадцать миллиардов сыграли большую роль, но все же не основную.

Основное для империалистов было в другом.

* * *

В то время как по России несся шквал Февральской революции, вдохновители Антанты — монополисты Англии и Франции — готовились к переделу мира, к тому, ради чего они вступили в войну. В 1914 году согласно царского правительства участвовать в войне было куплено обещанием предоставить русской буржуазии известную долю в таком переделе. Но уже в ходе войны выяснилась возможность сговора царского правительства с кайзеровской Германией. Незадолго перед Февральской революцией влияние группировавшейся вокруг царицы и Распутина прогерманской дворцовой клики достигло апогея. Немецкие империалисты уже готовили кабальную для России сделку с русскими черносотенцами. Крушение царизма сразу же изменило положение. Временное правительство Львова — Милюкова — Керенского было игрушкой в руках Антанты. По сути дела, это уже не было правительство великой державы: новые министры были людьми, обезумевшими от страха перед своим народом, готовыми на все, лишь бы вновь надеть на него узду. В Лондоне и Париже это поняли сразу. Виднейшие монополисты Запада пришли к далеко идущему выводу, который многие годы пьянил и дурманил их. Перед ними теперь, как им казалось, открывалась возможность добиться того, чтобы главным объектом передела мира стала сама Россия — величайшая страна с неисчерпаемыми и почти непотатыми богатствами, та самая страна, которая пожертвовала миллионами жизней для войны, проводившейся в интересах Антанты.

Так именно и котировалась Февральская революция на биржах Западной Европы. По существу речь шла о самой крупной спекуляции в истории капитализма — колонизации колоссальной территории, простирающейся от Балтийского моря до Тихого океана. Такое предприятие сулило еще несравненно большие барыши, чем дележ наследства Германии, Австрии и Турции. Внимание международной финансовой олигархии резким рывком переключилось на Россию. Как показали позднейшие события, было решено не останавливаться ни перед чем, чтобы не упустить возможности грандиозного «переливания крови» России в жилы дряхлеющего западноевропейского капитализма.

Факты подтверждают, что с 1917 года, после прихода к власти Временного правительства, этот план лег в основу всей политики держав Антанты по отношению к России. Ничто, так казалось в Лондоне и Париже, не могло воспрепятствовать его осуществлению. Изнемогающая под властью Керенского, обливаемая кровью Россия уже рассматривалась в столицах Запада как полуколония. О сопротивлении со стороны русской буржуазии не могло быть и речи. Ее государство грозило развалиться, как карточный домик, ее политики дрожали перед наступающим рабочим классом, ее генералы готовили бонапартистские авантюры с помощью иностранных покровителей. В 1917 году русская крупная буржуазия, очутившаяся лицом к лицу с революционным народом, с готовностью соглашалась стать младшим партнером западноевропейских претендентов на колонизацию ее же страны. На худой конец, многие в ее рядах не отказались бы и от роли посредников-компрадоров — на большее они не были способны. Русским помещикам снились новые «варяги» с Запада, которые помогут защитить их усадьбы от крестьян. Если не немцы, думали собакевичи, ноздревы и плюшкины в 1917 году, то пусть это сделают французы и англичане. Правительство Керенского вело себя как исполнительный орган при посольствах Антанты. В столицах союзных держав негласный раздел богатств России между синдикатами иностранных финансистов считался решенным делом.

Точная схема такого раздела была намечена тогда же, в 1917 году, в ходе частных переговоров между важнейшими группами монополистов Запада. Подписанное впоследствии (23 декабря 1917 года) секретное соглашение правительств Англии и Франции о разграничении сфер влияния в России было лишь формальным дипломатическим подтверждением условий, выработанных представителями монополий и

четко зафиксированных на карте России. В соответствии с этими условиями бывшая царская империя рассекалась чертой, проведенной с юга на северо-восток, от Крымского побережья Черного моря вверх по течению Дона в направлении на Царицын. Территория к западу от этой черты включалась в сферу влияния Франции; ее зона, таким образом, должна была охватить всю Украину и прежде всего Донецкий угольный и Криворожский железорудный бассейны. Территория к востоку от той же черты — в первую очередь Кавказ, Закавказье, Закаспийская область и вся Средняя Азия — отводилась в сферу влияния Англии. Ей же предоставлялся контроль над Прибалтикой и севером России. Позднее к этомуговору присоединились и крупнейшие финансовые группы Соединенных Штатов и Японии, на долю которых был выделен Дальний Восток с частью Сибири.

Нетрудно заметить, к чему в действительности сводилась вся эта территориально-политическая схема. Речь шла о генеральном соглашении между важнейшими в то время группировками монополистов Антанты. Французской группе предоставлялось русское железо вместе с углем, английской — русская нефть и отчасти цветные металлы. Сделка финансовых королей Европы состояла в основном из двух пунктов. Но эти два пункта — железо и нефть — в конечном счете определили и политику русской контр-революции.

Для того чтобы осуществить план дележа богатств России между монополистами Антанты, надо было побороть и заново опутать цепями народ, свергнувший царя и стремившийся углубить революцию. Только народ, создающий социалистическое государство и строящий социалистическую экономику, мог бы стать силой, способной превратить в ничто планы колонизаторов. Идея создания социалистической России была основой программы партии большевиков. Вывод для империалистов Антанты был ясен.

* * *

Выработанная в 1917 году схема иностранных сфер влияния в России была отнюдь не случайной. Она отвечала самым затаенным вождениям главных монополистических групп Антанты. Каждая из них еще до первой мировой войны избрала свои «объекты» в России и не жалела ни денег, ни средств политического и дипломатического давления, чтобы добиться цели. Соглашение о раздроблении России на уделы железа и нефти было завершением долголетних устремлений и борьбы финансовых олигархов.

Во главе французской группы стоял пушечный король Шнейдер-Крезю — главный соперник германской монополии Круппа и английского концерна «Виккерс» на европейском рынке вооружений. Мощь концерна «Шнейдер-Крезю» покоилась на огромных сбережениях французской буржуазии, в то время господствовавшей на европейском денежном рынке. Французские банки одалживали эти капиталы в первую очередь государствам, закупавшим вооружение у Франции, французское правительство в свою очередь оказывало таким государствам политическую и дипломатическую поддержку. В годы первой мировой войны фирма «Шнейдер-Крезю» была главным поставщиком армии и флота царской России, извлекая из этого дела баснословные прибыли. Но, не довольствуясь этим, французский пушечный король уже накануне войны захватил в свои руки львиную долю военной промышленности самой России. К моменту Февральской революции под его прямым или косвенным контролем находились Путиловские заводы, Невский судостроительный завод, Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов (бывш. Парвиайнен), Русско-Балтийский завод в Ревеле, заводы артиллерийского снаряжения Барановского и другие. Из крупнейших частных военных предприятий России от «Шнейдер-Крезю» не зависели лишь Царицынские артиллерийские заводы и Николаевские заводы и верфи, принадлежавшие группе «Виккерс».

Шнейдер-Крезю, таким образом, фактически управлял русской военной промышленностью. Этот факт всячески скрывали или затушевывали. Мало того, крупнейшие металлургические заводы на юге России, в Донбассе и Криворожском районе, поставлявшие сталь военным предприятиям, входили в ту же французскую группу. К их числу принадлежали, например, макеевский комбинат «Русского горного и металлургического Униона», Донецко Юрьевское металлургическое общество, «Русский Провиданс» в Ма-

риуполе. Ко времени Февральской революции концерн «Шнейдер-Крезо» уже рассматривал Донбасс как свою вотчину и мечтал о захвате всей металлургии России. Осуществление такого плана обеспечило бы французским магнатам первенство в военной промышленности всего мира. Тем самым русские дела приобретали для них исключительное значение.

Лучшие силы французской дипломатии были мобилизованы для того, чтобы действовать успеху этих дел. Французские послы в России были прямыми эмиссарами Шнейдера-Крезо. Посол при царском правительстве Морис Палеолог, бывший директор политического департамента министерства иностранных дел, сыгравший большую роль при вовлечении России в мировую войну, после войны оказался директором концерна «Юнион эропеен эндустриель э финансьер», созданного концерном «Шнейдер-Крезо» для захвата военных предприятий Восточной и Центральной Европы. Заменивший Палеолога в качестве посла в Петрограде в 1917 году Жозеф Нуланс, бывший французский министр финансов и военный министр, стал после своей отставки председателем правления шнейдеровского военного концерна «Шантье э ателье де ла Жиронд». Начальник Главного артиллерийского управления русской армии генерал Маниковский называл французское посольство в Петрограде «здесьним филиалом Шнейдера».

Французский политик Поль Думэр, ставший впоследствии президентом республики, до войны заседал в правлениях «Русского горного и металлургического Униона» и других предприятий Шнейдера-Крезо в России. Французский военный министр в первый период войны Мильеран, впоследствии премьер-министр и президент республики, был в свое время юрисконсультом Шнейдера-Крезо. Во всех ведомствах французского правительства, имевших непосредственное отношение к русским делам, — в министерствах иностранных дел, финансов и военном, в генеральном штабе — действовали высокопоставленные агенты пушечного короля. Исследование материалов того периода приводит к бесспорному выводу, что союз империалистической Франции с царским правительством был в немалой степени делом рук Шнейдера-Крезо и связанной с ним группы парижских банкиров.

Оказывая сильнейшее влияние на политику Франции в русских делах, группа «Шнейдер-Крезо» в то же время стала мощной закулисной политической силой в самой старой России. Наложив свою руку на русскую военную промышленность, на военные поставки из-за границы, на крупнейшие металлургические предприятия юга России, подкармливая целую свору бюрократов, дипломатов и генералов старого режима, французский монополист занял положение одного из скрытых вдохновителей правящих петербургских кругов. Ходили слухи, что его петербургский представитель К. Ракуса-Суцевский поддерживал хорошие отношения с фавориткой царя балериной Кшесинской. Особенно же влияние пушечного короля укрепились после того, как концерн «Шнейдер-Крезо» в предвоенные годы вступил в союз с ведущей финансовой группой в России — Русско-Азиатским банком и его синдикатом.

В 1910 году состоялось слияние двух учреждений петербургского финансового капитала: Русско-Китайского банка и Северного банка. Главным акционером первого из них был Парижско-Нидерландский банк, вице-председатель которого Демаши был одновременно председателем правления фирмы «Шнейдер-Крезо». Фактическим собственником Северного банка был французский банк «Сосьете женераль», тесно связанный с Парижско-Нидерландским банком. Объединенный Русско-Азиатский банк стал на деле филиалом финансовой группы «Шнейдер-Крезо». В состав его правления вошел французский финансовый агент в России Верстрат, в его совет вступило около десятка французских банкиров и политиков, включая бывшего посла Рендра. Под руководством биржевика А. Путилова Русско-Азиатский банк сразу занял первое место в России. Именно с его помощью концерн «Шнейдер-Крезо» в последние годы перед войной захватил в свои руки главные предприятия русской военной промышленности. В дальнейшем мы увидим, каким влиянием в буржуазных кругах России обладал этот банк и какую закулисную политическую роль его хозяева и агенты сыграли в событиях 1917 года.

Зарубежные претенденты на русское железо и уголь — французские торговцы смертью — занимали во время первой мировой войны сильнейшие позиции в верхах

государства буржуазно-помещичьей России. Они имели все основания стать в первые ряды тех, кто предпринял попытку задушить социалистическую революцию «в колыбели».

* * *

Роль, которую железо и пушки играли во французской политике по отношению к России, в политике английских империалистов играла нефть. Трудно сказать, перевешивала ли на общих весах Антанты нефть железо или же наоборот. Не подлежит сомнению, однако, что глава треста «Шелл» Генри Детердинг действовал за кулисами британской дипломатии несколько не менее активно, чем Шнейдер-Крезе за кулисами французской. Политика Антанты в конечном счете определялась интересами и взаимоотношениями этих двух группировок пушечных и нефтяных магнатов, за которыми длинной вереницей шли другие.

Лондонский Сити обратил серьезное внимание на Россию лишь в последние годы перед войной, и на первый взгляд связи английского капитала с русской буржуазией намного уступали влиянию французских биржевиков. Но вынашиваемые в Лондоне планы «операций» в России шли еще дальше парижских проектов.

Анализ английских капиталовложений в царской империи накануне первой мировой войны обнаруживает любопытный факт. Британский капитал сосредоточивался по преимуществу на востоке и на юго-востоке страны — поближе к Индии. Лондонская Русско-Азиатская корпорация, руководимая Урквартом и Гербертом Гувером (впоследствии президент Соединенных Штатов), владела концессиями на Урале и в Сибири, уже тогда оценивавшимися в миллиард долларов. Английская компания «Лена-Голдфилдс» контролировала богатейшее Ленское золотопромышленное общество, на принисках которого в 1912 году произошел массовый расстрел рабочих.

Членом правления этого общества был английский полковник Генри Бойл, один из видных деятелей консервативной партии. Главой компании «Лена-Голдфилдс» был бывший заместитель английского военного министра и бывший губернатор Бомбея лорд Гаррис. С той же группой были связаны владельцы обширных Сысертских и Шуваловских концессий на Урале, управление которыми находилось в руках директоров учрежденного в 1911 году Русско-Английского банка. В совет этого банка входили с русской стороны царские придворные граф А. Бобринский и князь Н. Урусов, А. Голицын, Н. Щербатов и М. Оболенский, а с английской — лидеры консерваторов сэр Остин Чемберлен (в 1917 году министр по делам Индии, впоследствии министр иностранных дел) и лорд Бальфур. Английский морской министр в 1917 году Эрик Геддс был вместе с Гувером акционером Кыштымских горных заводов, английский министр колоний Вальтер Лонг — акционером Англо-Русского треста, лидер либералов лорд Рединг — акционером Спасской междоуездной компании. Правящие политики Лондона совершенно так же, как их собратья в Париже, были непосредственно, частью своего личного состояния, заинтересованы в крупном русском бизнесе.

Но больше всего интересовал тузов английского капитала Кавказ. В 1912 году примерно половина всех новых английских капиталовложений в России приходилась на нефть. В этом году нефтяные владения парижских Ротшильдов перешли в руки Детердинга. Генеральное соглашение англо-французского капитала о разграничении сфер влияния в России на основе принципа «нефть за железо» уже вступало в силу. Примерно в то же время нефтяные концесии Лианозова, Манташева и Гукасова были переданы созданной в Лондоне при ближайшем участии английского капитала Русской генеральной нефтяной корпорации, под контролем которой оказалось свыше четверти нефтедобычи России. Та же корпорация начала скупать акции «Нобеля» — третьей нефтяной монополии в России. Ряд второстепенных предприятий в грозненском, майкопском и закаспийском районах также находился в руках англичан. Накануне первой мировой войны Детердинг уже считал себя некоронованным нефтяным королем России. Это означало, что он занимал второй в мире нефтяной трон. За такой трон империалисты бьются до последней капли чужой крови.

Дело было, однако, не только в Детердинге и его группе. Политика нефтяных монополий смыкалась с политикой так называемой «восточной школы» британской дипломатии, представленной в этот период лордом Керзоном, но основанной в свое время

еще Пальмерстоном. Доктрина исключительно влиятельной «восточной школы» сводилась по существу к одному: ради сохранения английского владычества в Индии — становом хребте колониальной империи — необходимо во что бы то ни стало, любой ценой, резко ослабить или даже подчинить Англии Россию.

В умах твердолобых имперских стратегов вопросы английской политики по отношению к Индии и к России сливались в единый агрессивный комплекс. Они полагали, что, только закабалив обе эти страны, английский капитал сможет дышать свободно. Керзон, считавший Англию наследницей древнего Рима и заявивший однажды, что «секрет мирового господства» находится в руках англичан, утверждал, что судьба Англии решается в Азии и что Индия «представляет собой мощь и величие Англии». Школа Керзона требовала, чтобы Англия опоясала свою империю в Индии с запада, севера и востока мощным обручем вассальных и зависимых государств, в число которых он включал Персию, Афганистан, арабские страны, Тибет и даже весь Южный Китай. Такая политика была прямым вызовом не только народам этих стран, но и России. В первом десятилетии XX века соперничество с Германией побудило правящих английских политиков на время отставить «антирусскую партию» Керзона в резерв. Февральская революция в России сразу ее оживила и выдвинула на первый план.

«Восточная школа» имперских реакционеров считала, что ее час настал. От бессильной, разваливавшейся России, управляемой Керенским и Милюковым, нельзя было ожидать серьезного противодействия планам Керзона в Азии. Наоборот, возникала возможность установить наконец опеку над самой русской буржуазией и даже заставить ее перевести под контроль английского капитала часть ее владений. Тем самым «восточная школа» Керзона вступала в союз с нефтяными монополиями. Это означало, что за спиной Детердинга начали действовать не только консервативные и либеральные политики, лично заинтересованные в русских спекуляциях, но и вся когорта твердолобых дипломатов, реакционных генералов англо-индийской армии, колониальных миллионеров, «имперских стратегов» и крайне правых журналистов. Вот от чьего имени действовал сторонник политики «удушения» Черчилль, начавший свою военную карьеру в англо-индийской армии и в качестве английского морского министра накануне войны завязавший тесные отношения с нефтяными монополиями.

К чему сводился «русский план» группы Керзона—Детердинга? На этот счет существуют два бесспорных исторических свидетельства. Первое из них — речь, произнесенная в конце 1917 года Гербертом Элленом, председателем англо-русской нефтяной компании «Биби-Эйбат ойл компани» на собрании акционеров в Лондоне. Эллен заявил:

«Никогда еще в истории этих островов (Англии. — А. Л.) не представлялось такой возможности для мирного распространения британского влияния и британской торговли, для создания второй Индии или второго Египта... Нефтяная промышленность России, широко финансируемая и правильно организованная под британским руководством, сама по себе составила бы ценное приобретение для британской империи... В нормальных условиях русская нефтяная промышленность все еще является второй по величине в мире, и английскому правительству предоставляется в настоящий момент золотая возможность оказывать мощное влияние на огромное производство грозненских, бакинских и закаспийских источников».

Кавказ — вторая Индия или второй Египет! Как же представляли в Лондоне осуществление подобного плана?

На первых порах предполагалось, очевидно, ограничиться негласной финансовой опекой английского капитала над нефтяными районами по соглашению с влиятельными кругами русской буржуазии — в обмен на крупные английские займы, поставки вооружений и другую плату. Но в конечном счете речь шла о чем-то более длительном и существенном. Лидер русских контрреволюционеров Борис Савинков сообщил в 1924 году, что в ходе его переговоров с Черчиллем в 1919 году англичане упорно говорили о необходимости создания на территории России «независимого» государства под названием «Юго-Восточный Союз», то есть нефтяного государства как раз того самого «вассального типа», о котором мечтал Керзон, чтобы «опоясать» англо-индийскую империю.

Действительно, этот проект полностью совпадал с содержанием секретного англо-французского соглашения от 23 декабря 1917 года, согласно которому Англии отводился весь юго-восток старой русской империи в качестве особой сферы влияния. Как можно проследить по карте английской интервенции и политического «зондажа» в 1918—1920 годах, это вассальное государство — «вторая Индия» — должно было включать не только весь Кавказ, но и Кубань, часть Урала, часть Сибири и Среднюю Азию. С юга к нему должны были примыкать оккупированные англичанами территории Персии и арабских стран.

Таковы в конечном счете были планы Детердинга — Керзона — Черчилля в России 1917 года. Сорвать эти планы, так же как и проекты Шнейдера-Крезс — Пуанкаре — Мильтерана, могла только социалистическая революция народов России. Вывод с точки зрения англо-французских империалистов был ясен: необходимо помочь контрреволюционной русской буржуазии, чего бы это ни стоило.

Так начался заговор «душителее».

ЗА КУЛИСАМИ РУССКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ В 1917 ГОДУ

«...Мы все прекрасно знаем быстрое нарастание сговора и заговора международных империалистов против русской революции. Задушить ее во что бы то ни стало... — вот к чему подходит международный империализм все ближе», — писал В. И. Ленин незадолго до Октябрьской революции. Крупная русская буржуазия не только находилась в экономической и финансовой зависимости от иностранных монополий и шла на то, чтобы передать им самые ценные богатства страны, — даже подготовку контрреволюционного нападения на свой народ она вела под неусыпным наблюдением тех же иностранных покровителей. Английские консерваторы, колониальные специалисты из Интеллидженс сервис, парижские биржевики обучали на сей раз лидеров русской буржуазии, как расправляться с народом, — и прогорели.

Как обычно в таких делах, английский империализм принял участие в развязывании контрреволюции в России в первую очередь через посредство своей мощной разведки. Документальные данные, ставшие известными после 1917 года, показывают, что Интеллидженс сервис действовала при этом в тесном контакте с лондонскими финансовыми кругами и руководителями ультрареакционной «восточной школы». После Февральской революции в России возникло три связанных между собой центра контрреволюционных заговорщиков — в Петрограде, в Москве и в Ставке верховного главнокомандования. Интеллидженс сервис была непосредственно связана с каждым из этих центров.

Начальником английской военной разведки в 1917 году был генерал сэр Джордж Макдоног. Вскоре после своей отставки он оказался «заведующим бюро печати» при нефтяном тресте «Шелл», а затем стал директором этого треста. Нефть была неотделима от британской разведки; над Макдоногом стоял Детердинг.

Уже накануне Февральской революции, когда развал царского режима стал очевидным для дипломатов Антанты, в Лондоне приступили к укреплению связей с кадетско-октябристской группой Милюкова — Гучкова, мечтавшей о приходе к власти. Представителем Макдонога в России и начальником британского разведывательного бюро в Петрограде был консервативный депутат сэр Сэмюэль Хор, впоследствии министр иностранных дел и один из главных английских «мюнхенцев». Посредником между Хором и кадетско-октябристскими политиками стал Петр Струве, бывший «левый теоретик» русского либерализма, неудержимо скатывавшийся вправо. С 1916 года прямой личный контакт был установлен и между Милюковым и английским послом в Петрограде сэром Джорджем Бьюкененом, которого с этих пор стали считать истинным вдохновителем лидера кадетов. После Февральской революции Милюков, назначенный министром иностранных дел, и Бьюкенен действовали сообща, советуясь по каждому важному вопросу не только внешней, но и внутренней политики России.

Не меньшую роль сыграли финансовые связи между крупными дельцами Лондона и Петрограда. Уже с апреля 1917 года, через несколько недель после своего приезда в Россию, В. И. Ленин специально указывал на переплетение «тысячами нитей» рус-

ского и англо-французского банковского капитала, подчеркивая, что именно этот «богатейший во всем мире» капитал является «могучим покровителем и хозяином» русских капиталистов. Не только царские придворные и бюрократы поддерживали через банки прямой контакт с английскими политиками и дельцами вроде Чемберлена и Бальфура. Крупнейший русский сахарозаводчик и министр иностранных дел Временного правительства М. Терещенко, воспитывавшийся в Англии, был связан с Сити через своего управляющего Б. Ханенко, члена совета Русского торгово-промышленного банка, финансировавшегося из Лондона. Терещенко был близок как к Милюкову, так и к Керенскому и сыграл в 1917 году весьма значительную роль в штабе контрреволюции. К банкирам принадлежал и четвертый из виднейших буржуазных лидеров России 1917 года, глава октябристов и бывший председатель Государственной думы А. Гучков, ставший после Февральской революции военным министром. Компания московского «Торгового дома Е. Гучков и сыновья» и директор Петроградского учетного и ссудного банка, Гучков вел большие дела с Англией в качестве председателя Центрального военно-промышленного комитета, объединившего в годы войны весь крупный капитал России.

Даже в непосредственном окружении самого Керенского действовали агенты Сити. Одним из них был, например, небезызвестный инженер Г. Пальчинский, назначенный Керенским в августе 1917 года военным губернатором Петрограда, а позже, в день Октябрьской революции, — начальником обороны Зимнего дворца. В частной жизни этот Пальчинский был директором Лысьвенских горных заводов, контролируемых Русско-Английским банком.

Союз между Сити и верхушкой русской буржуазии отнюдь не ограничивался чисто экономическими сношениями. Насколько сотрудничество с финансовыми кругами входило в повседневную практику Интеллиженс сервис, видно хотя бы из мемуаров такого видного авторитета в этой области, как сэр Сэмюэль Хор. Касаясь деятельности начальника английской морской разведки в военные годы сэра Реджинальда Холла, ставшего впоследствии видным деятелем консервативной партии, Хор пишет:

«Его правой рукой был известный биржевик, а когда я потом ездил с ним из Рима в Лондон, его доверенными людьми были один из директоров Английского банка и компаньон известной фирмы спиртных напитков».

Немудрено, что в числе эмиссаров и союзников Черчилля, Керзона и Детердинга в 1917 году в первую очередь оказались как раз тузы русского капитала и их политические друзья. Это относилось не только к Петрограду.

* * *

Второй центр контрреволюции гнезвился в Москве. Здесь находился подлинный штаб партии кадетов, составленный из владельцев ведущих торгово-промышленных фирм и их политических адвокатов. Это было богатейшее старое московское купечество, двигавшееся быстрыми шагами по пути создания монополистического капитала. После Февральской революции герои пьес Островского, по примеру петроградских дельцов, не замедлили выступить с претензией на долю в политическом наследстве царских бюрократов и помещиков. Почти все эти купеческие династии финансировали кадетов и октябристов. После Февральской революции октябристы и даже более правые буржуазные группировки фактически слились с кадетами. Благодаря своим капиталам, своей сплоченности и своему весу в партии кадетов «московская группа» крупной буржуазии оказывала еще большее влияние, чем петроградская.

Во главе контрреволюционной плутократии в Москве стояли миллионеры Рябушинские, владельцы текстильных фабрик и Московского банка. В 1917 году глава династии Павел Рябушинский занимал пост председателя Всероссийского торгово-промышленного съезда, то есть начальника штаба всех предпринимателей страны. В этом качестве он уже летом выступил с совершенно беззастенчивым ультиматумом народу. «Может быть, — заявил Рябушинский, — для выхода из положения потребуются костлявая рука голода, народная нищета, которая схватила бы за горло... демократические Советы и Комитеты». Рябушинский был крупнейшим вкладчиком в кассу партии каде-

тов; его слово было законом для Милокова. Юрисконсульт петроградского отделения Московского банка Рябушинских был влиятельный кадет В. Маклаков, правая рука Милокова и впоследствии представитель Деникина и Врангеля при Антанте.

Маклаков имел, между прочим, и личные связи с Сити. В свое время он состоял адвокатом русского нефтяного магната Тагиева, предприятия которого перешли в руки английской компании, связанной с грестом «Шелл». В 1917 году председателем этой компании стал тот самый лондонский делец Эллен, который предложил превратить Кавказ во «вторую Индию» или «второй Египет».

Совладельцем и директором Московского банка Рябушинских был текстильный фабрикант А. Коновалов, товарищ председателя московской биржи. Этот капиталист, долгое время живший в Англии, после Февральской революции стал одним из наиболее влиятельных министров Временного правительства и оставался при Керенском до последнего дня. К Московскому банку имел непосредственное отношение еще один министр правительства Керенского из кадетов — председатель Всероссийского общества льнопромышленников С. Третьяков. Другими лидерами кадетского лагеря в Москве были городской голова кирпичный фабрикант М. Челноков, заместитель городского головы купец П. Бурешкин, министр Временного правительства и впоследствии «диктатор» Петрограда Н. Кишкин, профессор и министр Временного правительства А. Мануйлов. Гучков вышел из того же московского купеческого круга. Все эти «миллионщики» шли за своим лидером Рябушинским и действовали по директивам его политических уполномоченных — Милокова, Маклакова и Коновалова. Но за кулисами ими двигала и другая рука.

Вторым главным представителем Интеллидженс сервис в России был английский генеральный консул Брюс Локкарт — резидент генерала Макдонога в Москве. В своей книге «Мемуары британского агента» Локкарт пишет по поводу своих отношений с городским головой Москвы кадетским дельцом Челноковым:

«Мы стали теснейшими друзьями, и через него я не только близко узнал всех ведущих московских политиков, как князя Львова (первого премьера Временного правительства — А. Л.), Василия Маклакова, Мануйлова, Кокошкина и многих других, но и получал копии многочисленных секретных резолюций таких организаций, как Московская городская дума, Земский союз, председателем которого был Львов, и Союз городов, вдохновителем которого был сам Челноков. Временами я даже располагал возможностью получать через тот же источник копии секретных резолюций, принятых партией кадетов в Петербурге».

Сэр Сэмюэль Хор, которого Локкарт свел с московскими магнатами, подтверждает в своих собственных воспоминаниях, что эти «русские его (Локкарта.— А. Л.) любили, особенно дельцы и прогрессивные политики». Под прогрессивными политиками этот ветеран Интеллидженс сервис, естественно, понимает кадетов.

«Кадетская партия есть главная политическая сила буржуазной контрреволюции в России», — писал Ленин в августе 1917 года. «Кадетский центральный комитет, это — политический штаб класса буржуазии», — повторил он после Октябрьской революции. За ширмой этого центрального комитета рядом с русскими Титами Титычами действовали посланцы Детердинга, Черчилля и Керзона.

Вскоре после Октябрьской революции Локкарт, как и генерал Макдоног, перешел на амплуа прямого агента монополий. С 1922 по 1928 год он был директором Англо-Чехословацкого банка, руководство которого находилось в руках «короля Сити» Монтегю Нормана и бывшего царского министра финансов П. Барка. В годы второй мировой войны Локкарт снова выступил как дипломат: он стал вторым заместителем английского министра иностранных дел. Подобные преобразования происходят на Западе изо дня в день.

Такой же деятельностью, как Хор и Бьюкенен в Петрограде и Локкарт в Москве, занимался в Могилеве английский военный атташе и представитель при Ставке верховного главнокомандования генерал сэр Альфред Нокс — третий эмиссар британских империалистов в России. Ставка была не только верховным учреждением армии. Русские помещики видели в царских генералах и дворянских офицерах своих главных защитников от крестьян в зипунах или мундирах, требовавших земли и мира.

Ставка представляла собой своеобразный штаб умирившего дворянства. Нокс был одним из тех привилегированных офицеров англо-индийской армии, вся карьера которых прошла в подготовке столкновения с Россией по заветам «восточной школы» английской дипломатии. Из тех же военно-колониальных кругов происходили и другие английские генералы, возглавившие затем интервенцию против Советской республики, например. Гоф, Марш, Айронсайд, Данстервилл. С момента Февральской революции Нокс стал сотрудничать со старыми царскими генералами в подготовке военного заговора. Корнилов, Алексеев, Деникин, Лукомский, Крымов и другие заговорщики в эполетах находились с ним в постоянном контакте.

Царские генералы с полной готовностью шли на поводу иностранных эмиссаров. Любопытно, что многие из командующих белыми армиями имели личные или семейные связи с англо-франко-русской плутократией. Так, генерал Врангель вышел из семьи, один из членов которой, барон Н. Е. Врангель, был совладельцем двух англо-русских нефтяных компаний — Биби-Эйбатской и Манташевской. Начальник бандитских белых отрядов на Дальнем Востоке барон Унгерн-Штернберг принадлежал к семье, владевшей золотыми приисками. Адмирал Колчак начал свою активную контрреволюционную карьеру в Сибири в 1918 году после того, как Русско-Азиатский банк, управлявшийся французскими дельцами, пригласил его на Дальний Восток для «военной охраны» своих железнодорожных предприятий. Правой рукой Колчака в Сибири оказался тот же английский генерал Нокс.

С царскими генералами магнаты Антанты церемонились еще меньше, чем с кадетами.

..*

Связи французских империалистов с русской контрреволюцией в 1917 году шли по особым каналам. Пушечные монополисты и биржевики Парижа предпочитали действовать за кулисами через свою финансовую агентуру в России — Русско-Азиатский банк и его группу. Неоспоримые данные подтверждают, что банк этот в период пребывания у власти Временного правительства был не только частным финансовым учреждением, но и скрытым центром контрреволюционных сил. Его председатель А. Путилов вместе со своими ближайшими союзниками С. Лианозовым, А. Вышнеградским, В. Завойко, В. Троцким-Сенютовичем и другими сыграл особую роль в организации заговора против народа, стремившегося к социализму.

Русско-Азиатский банк, располагавший тридцатью процентами основных активов петроградских банков, был не только самым крупным из коммерческих банков капиталистической России, — под его непосредственным контролем находилась основная часть важнейшей промышленности страны. К сфере влияния Русско-Азиатского банка относились почти вся военная промышленность, включая Путиловские заводы и Общество изготовления снарядов (группа Шнейдера-Крезю), значительная часть нефтяной промышленности (группа Лианозова—Манташева—Гукасова), машиностроение и транспортное машиностроение, табачная промышленность (русско-английский табачный трест группы Путилова), цементные заводы, золотые прииски и ряд железнодорожных предприятий, в частности в Маньчжурии. Благодаря своим связям с правительственными кругами Русско-Азиатский банк в годы первой мировой войны наживал небывалые барыши на военных поставках.

Так же как Рябушинский в Москве, Путилов царил над промышленной буржуазией в Петрограде и провинции. Помимо его собственного банка, к путиловской группе принадлежали Русский торгово-промышленный банк (с участием английского капитала), Сибирский торговый банк и Петроградский частный коммерческий банк. В состав совета Русско-Азиатского банка входили лидер кадетов-октябристов Стахович, П. Крупенский и В. Гурко (брат начальника царского штаба верховного главнокомандующего), дипломат Ю. Нелидов, генерал А. Чаманский и другие представители политической верхушки крупной буржуазии. Должников и клиентов путиловского банка можно было встретить среди членов Государственной думы, военных вельмож и журналистов желтой прессы. Свой неофициальный контакт с петроградскими контрреволюционными кругами парижские дельцы в 1917 году поддерживали преимущественно

через Путилова и его окружение. Бежав из России после поражения контрреволюции, Путилов стал заправским французским банкиром под эгидой того же Шнейдера-Крезю.

Одним из наиболее влиятельных партнеров Путилова в его коммерческих и политических аферах был известный нефтяной магнат С. Лианозов, инициатор создания русско-англо-французского нефтяного треста «Генеральная нефтяная корпорация». Лианозов, обладавший огромным состоянием, принадлежал к числу тех, кто финансировал партию кадетов и мечтал возвыситься на волне контрреволюции. Его называли «русским Рокфеллером». В 1919 году, в дни злосчастного похода белого генерала Юденича на революционный Петроград, Лианозов стал премьер-министром, министром иностранных дел и министром финансов марионеточного «правительства», учрежденного при Юдениче под опекой английского генерала Гофа. Другим министром в этом «правительстве» был компаньон Лианозова кадет М. Маргулес, в 1917 году заместитель Гучкова по руководству Центральным военно-промышленным комитетом. Помимо нефтяных предприятий на Кавказе, «русский Рокфеллер» владел также военными заводами в Петрограде («Пулемет» и Механический и литейный завод), цементными заводами и другими предприятиями.

Лианозов еще до войны нашел влиятельных друзей в Англии, которым он продал значительную часть акций своего нефтяного концерна. Директором созданной им и Путиловым в Лондоне Генеральной нефтяной корпорации стал лорд Каррик, занявший во время войны видный пост в английском военном министерстве. В Лондоне же была основана Европейская финансовая корпорация, в правлении которой член семьи Лианозова заседал за одним столом с генералом англо-индийской армии сэром Байндоном Бладом, личным другом Керзона и бывшим начальником Черчилля. В 1917 году Лианозов был уже на положении наиболее влиятельного из агентов Сити в среде русской промышленной и финансовой знати. В связи с ролью, которую Лианозов сыграл вместе с Путиловым в создании тайного центра контрреволюционных сил в России, этот факт приобретает особое значение. Вскоре после Октябрьской революции бежавший за границу Лианозов официально вступил в состав нефтяной группы «Шелл» — Детердинг. Роль этого дельца в закулисной истории русской контрреволюции в 1917—1920 годы еще отнюдь не освещена надлежащим образом.

Можно не останавливаться на ряде второстепенных агентов Антанты в России в этот период — вроде нашумевшего впоследствии английского «чудо-шпиона» Сидни Рейли, организатора террористических актов в Москве в 1918 году, начавшего свою карьеру в России еще до революции в качестве агента по продаже морских вооружений и доверенного представителя Русско-Азиатского банка. Необходимо, однако, отметить роль, сыгранную за кулисами русской контрреволюции в 1917 году третьей группой империалистов — дельцами Соединенных Штатов.

Хотя Соединенные Штаты Америки вступили в войну только весной 1917 года и вначале не вмешивались в русские дела столь же грубо, как Англия и Франция, американские монополии к тому времени уже разрабатывали свою собственную колонизационную программу, чтобы овладеть богатствами России. В первую очередь их интересовали цветные металлы, нефть, железные дороги и Дальний Восток. Эмиссары заокеанской олигархии уже находились в России. Главным из них был миллионер Уильям Бойд Томпсон, прибывший в Петроград под видом начальника американской миссии Красного Креста. Томпсон, глава одной из американских меднорудных монополий, владел залежами цветных металлов в разных частях света и с начала войны стал совладельцем американского военного треста «Бетлехем», поставлявшего оружие Антанте. В Россию его привлекли залежи меди и марганца. За спиной американского посла в Петрограде банкира и хлеботорговца Давида Френсиса Томпсон в 1917 году фактически руководил русской политикой Соединенных Штатов и старательно налаживал связь с контрреволюционными кругами. Как выяснилось впоследствии, он предоставил этим кругам личную субсидию в размере миллиона долларов на «поддержание боеспособности русской армии». Это был своего рода аванс за будущие концессии.

Ближайшим сотрудником Томпсона в русских делах оказался американский инженер Герберт Гувер, директор рудников английской Русско-Азиатской корпорации в

России. Девять лет спустя Томпсон оплатил услуги Гувера: он помог ему стать президентом Соединенных Штатов, финансируя его избирательную кампанию. Хотя в 1917 году Гувер находился на службе английских монополий, он, Томпсон и Френсис уже готовили почву для генерального наступления доллара на Россию. Пробрить брешь в англо-французской заградительной стене должен был американский заем правительству Керенского в размере пяти миллиардов рублей. По соглашению с Керенским Сибирская железная дорога была передана в ведение американской «Технической миссии», под контроль которой предполагалось поставить все железнодорожные предприятия России. Вашингтон сразу повел крупную игру. Уолл-стрит брал на себя долю в финансировании русской контрреволюции, чтобы не отставать, а в конечном счете чтобы и перегнать англо-французских конкурентов при разделе богатств России.

Уже весной 1917 года империалисты Запада стеной стояли за спиной контрреволюционной русской буржуазии. Их агенты, друзья, младшие партнеры и приказчики занимали места на всех флангах контрреволюционного фронта. Реакционную буржуазию России не надо было торопить — она сама только и думала о том, как бы поскорее наброситься на народ. На очереди стояла практическая организация заговора для захвата власти. За этим дело не стало.

Давно установлено, что одним из главных организаторов корниловщины был сам глава Временного правительства эсер Керенский. По его предложению Корнилов был назначен верховным главнокомандующим, он же сделал все возможное, чтобы укрепить положение Корнилова и наделить его широчайшими политическими полномочиями. Керенский рассчитывал стать военным диктатором с помощью царских генералов, которым он поручал расправу с рабочими и солдатами; Корнилов и эсер Савинков также должны были вступить в «военную директорию». В последнюю минуту, однако, кандидаты в диктаторы не поладили между собой. Керенский боялся, что взрыв контрреволюции закончится неудачей и только усилит позиции большевиков. Кроме того, каждый из этих авантюристов пытался обмануть другого. Когда Корнилов начал свой мятеж, он потребовал, чтобы пост диктатора был предоставлен ему. Керенский не мог простить и не простил этого Корнилову: он сам метил туда же. Вот почему Керенский в день мятежа повернул против своего сообщника, а позднее, находясь уже в эмиграции и пытаясь обелить самого себя, кое-что рассказал о корниловской «эпопее».

В своей книге «Катастрофа», посвященной событиям 1917 года, Керенский сообщает: «Мысль о свержении Временного правительства путем заговора зародилась в Петрограде в начале мая 1917 года, если не раньше, в узком кругу банкиров и финансистов... Подробности заговорщической деятельности этой первичной группы реакционеров мало известны. Я знаю только, что были предприняты меры для создания фонда, для чего заговорщики связались с некоторыми политическими лицами. В то же время они стали готовить почву в военных кругах. Лицом, которому было поручено возглавить предварительную работу и найти пути и методы для осуществления заговора, был некий Завойко. Я не знаю, действовал ли он в качестве полноправного участника заговора или лишь в качестве агента».

Кто такой Завойко? Керенский об этом умалчивает. Даже после того, как все было кончено, он побоялся раскрыть карты финансовых королей, проигравшихся в пух и прах на контрреволюционной авантюре в России. Керенский слишком хорошо знал, что у него самого рыльце в пуху. Подлинная «родословная» Завойко пока еще не освещена полностью и в советской исторической литературе.

В 1917 году В. С. Завойко был членом правления «Товарищества нефтяного производства Г. М. Лянозова сыновья». Председателем этой компании был А. Путилов, директором-распорядителем — сам «русский Рокфеллер» С. Лянозов. Завойко входил в правление и других лянозовских предприятий, в том числе в правление лондонской Генеральной нефтяной корпорации, основанной Лянозовым и Путиловым под контролем Сити. Вот откуда происходил «некий Завойко», ставший уже через несколько недель правой рукой генерала Корнилова и главным организатором его мятежа.

Завойко был, собственно говоря, дельцом-аферистом, пользовавшимся даже в весьма неразборчивых петроградских биржевых кругах репутацией «темной личности». В прошлом он был связан с германским агентом коммерсантом Кюрцем, а незадолго до Февральской революции вместе с черносотенным царским министром Протопоповым принял участие в создании бульварной газеты «Русская воля».

Теперь этот директор англо-франко-русского нефтяного треста назначался своего рода секретарем конспиративного центра, созданного петроградскими и московскими финансистами — Путиловым, Лианозовым, Вышнеградским (главой Петроградского международного коммерческого банка), Рябушинским, Маклаковым, Гучковым — для руководства действиями контрреволюции. Участие этих фельдмаршалов русской буржуазии в «первичной группе» заговорщиков, о которой упоминает Керенский, подтвердилось впоследствии.

«Группа» эта образовалась в мае 1917 года. 27 августа разразился мятеж Корнилова.

ВНУТРЕННЯЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

Основание петроградскими и московскими финансистами в мае 1917 года тайного политического центра было сигналом для мобилизации всех контрреволюционных сил. Денежный фонд для устройства заговора был налицо; виднейшие политические лидеры буржуазии были завербованы, поддержка правящих кругов Антанты обеспечена, программа ясна: задуть надвигающуюся социалистическую революцию. Расправа с рабочим классом, с Советами рабочих и солдатских депутатов, с партией большевиков, с Лениным, беспощадная диктатура крупной буржуазии — к этому сводился первый пункт программы заговорщиков. Второй пункт — расчет с иностранными кредиторами путем передачи им контроля над ключевыми позициями экономики страны — оставался в тени. Но именно этот пункт больше всего интересовал стоявших за ширмой империалистов Антанты. Их интервенция в России по существу уже начиналась. В 1917 году это была интервенция внутренняя — осуществляемая руками их приказчиков и агентов.

Путилов, Лианозов, Рябушинский, Завойко, Маклаков подготавливали контрреволюционный заговор одновременно в трех планах: политическом, экономическом («рука голода») и военном. Их главным политическим мероприятием было создание в июне 1917 года тайной организации «Республиканский центр», задачей которой было координировать деятельность разрозненных контрреволюционных сил.

Командующий белыми армиями в 1918—1919 годах генерал Деникин сообщает в своих воспоминаниях:

«В конце июня в Петрограде в числе многих других образовалась политическая группа под названием «Республиканский центр»... При приеме в организацию «никого не спрашивали, во что веруешь; достаточно было заявления о желании борьбы с большевизмом и о сохранении армии...»¹ Интеллектуальные силы и влияние группы были невелики, но она имела одно большое преимущество перед всеми другими — обладала некоторыми денежными средствами. Их давала крупная денежная буржуазия — «небольшая по числу, — как определяет один из организаторов «центра», — но очень влиятельная, довольно замкнутая и крайне эгоистичная в своих действиях и аппетитах»; буржуазия эта предложила («Республиканскому центру») первую денежную помощь, чтобы уберечь Россию... от очевидной тогда для них надвигающейся опасности большевизма».

Деникин сообщает дальше, что денежные средства «Республиканского центра» дали ему возможность объединить вокруг себя ряд контрреволюционных, главным образом военных организаций, включившихся в состав «военной секции» центра в лице своих представителей. Буржуазных офицеров, готовых расправиться с революцией, тысячами вербовали в эту секцию. По сведениям Милюкова, летом «Республиканский центр» объединял уже десять контрреволюционных организаций, в том числе «Всероссийский союз офицеров», созданный под руководством члена ЦК кадетской партии полковника

¹ Деникин, очевидно, цитирует информацию, полученную им из каких-то негласных источников (А. Л.).

Л. Новосильцева. Союз этот имел разветвления в главных городах, в Ставке и в полках действующей армии; его кадры впоследствии составили костяк белых армий.

Уже летом при участии Ставки началась систематическая переброска контрреволюционных офицеров из армии в Петроград, где они поступали в распоряжение военной секции «Республиканского центра», чтобы в назначенный день устроить путч, провозгласить военную диктатуру и развязать белый террор против рабочего населения. Речь шла о подготовке настоящей «Варфоломеевской ночи», в частности об убийстве всех активных деятелей партии большевиков. Что намечалось после этого? Один из пунктов программы «Республиканского центра» гласил: «...довести войну до победного конца в согласии с союзниками». Капиталисты Антанты знали, кого они поддерживали и зачем была нужна эта «Варфоломеевская ночь».

Ни Деникин, ни Милюков не называют в своих воспоминаниях имен штатских руководителей «Республиканского центра», не говоря уже о тех, кто его финансировал. Не названы имена подлинных заправил этой организации и в исследованиях советских историков. И только в изданной в 1918 году книге контрреволюционера В. Винберга, упоминающего о «могущественных и влиятельных руководителях «центра», проskalьзывают кое-какие фамилии технических руководителей, в том числе некоего Финисова. Речь, по-видимому, идет об инженере П. Финисове, который в 1917 году был редактором журнала «Цемент, камень и железо» и директором цементного концерна «Русская Пуццолана». Концерн этот принадлежал к группе Лианозова — того же кадетского русско-англо-французского нефтяника, в услужении которого находился Завойко. Уже в 1917 году, как и в последующие годы, можно было с полным правом сказать, что русская контрреволюция насквозь пропахла нефтью.

* * *

Одновременно с созданием тайного контрреволюционного центра в Петрограде русские и англо-французские финансисты приступили весной 1917 года к поискам «генерала на белом коне» — человека, который должен был возглавить дело удушения революции и партии большевиков.

Деникин и Керенский сообщают, что одним из первых кандидатов на эту роль был адмирал Колчак — реакционер, изгнанный революционными матросами Черноморского флота из своего штаба. Деникин указывает, что «Республиканский центр» «находился в сношениях с адмиралом, который принципиально не отказывался от возможности стать во главе движения». Как выяснилось впоследствии, Колчак имел связи с русско-французской группой Русско-Азиатского банка, которая год спустя и направила его в Сибирь. В то же время Колчак пользовался поддержкой в английских кругах. Представитель Интеллидженс сервис в России сэр Сэмюэль Хор назвал его «самым близким подобием английского джентльмена, какое только он видел в России». Однако переговоры «Республиканского центра» с Колчаком, в которых участвовал сам лидер кадетов Милюков, расстроились, и адмирал, как пишет Деникин, «по невыясненным причинам уехал в Америку».

Другим кандидатом на пост военного диктатора, по свидетельству английского военного атташе в Петрограде Нокса, был царский генерал Гурко — родной брат члена совета Русско-Азиатского банка В. Гурко. Но и от этого кандидата пришлось отказаться ввиду его общеизвестных, слишком близких отношений со свергнутым царем. Тогда наконец была выдвинута кандидатура генерала Корнилова, и на этом имени, по словам Деникина, «все искания прекратились».

Корнилов никогда не был выдающимся генералом; как политический деятель он равнялся нулю. Но за него говорили другие обстоятельства. Корнилов был близок с Керенским и его помощником Савинковым; они-то и наметили его на пост верховного главнокомандующего. За Корнилова горой стоял английский генерал Нокс. И, наконец, секретарем-ординарцем Корнилова к этому моменту оказался не кто иной, как агент Лианозова и Путилова нефтяной делец Завойко.

Как подтвердили впоследствии показания решительно всех главных участников корниловского мятежа, Завойко был в 1917 году «серым кардиналом», подлинным вдохновителем Корнилова. Его называли «вторым я» верховного главнокомандующего. Хотя официально Завойко занимал при Корнилове должность простого ординарца в

чине прапорщика, он самолично управлял всеми его политическими делами и ограничивал роль генерала подписыванием бумаг.

«Странны, непонятны его пребывание и роль в Ставке, — пишет Керенский о Завойко в книге «Дело Корнилова». — Однако это был человек, который наибольшее влияние имел на Корнилова. Прошлого финансового дельца давало, видимо, возможность Завойко содействовать притоку в Ставку тех средств, о которых сведения могли бы дать и упоминаемые в письме генерала Алексева В. и П. (банкиры Вышнеградский и Путилов. — А. Л.)... Завойко — это одна из самых темных и отталкивающих фигур среди заговорщиков, и трудно понять, в чем был секрет его влияния на Корнилова».

Так симулируют наивность. Керенский издавал свои воспоминания в Англии. Он делал вид, будто не понимал, в чем был «секрет» Завойко, хотя легко мог бы нащупать его корни тут же в Лондоне — местопребывании Генеральной нефтяной корпорации, директором которой Завойко состоял еще в 1916 году.

Деникин заявляет, что Завойко был «главным советчиком» Корнилова и составлял все его воззвания, ультиматумы, телеграммы и списки министров. Милюков подтверждает задним числом, что Завойко стал «буквально правой рукой Корнилова. Он дополнял недостававшие у Корнилова свойства». Завойко явился к Корнилову в Петрограде еще в мае 1917 года, то есть тотчас же после создания тайного центра финансистов, и сразу остался у него. Он же побудил Корнилова принять пост командующего 8-й армией, то есть вступить в число кандидатов на должность верховного главнокомандующего. По наущению Завойко Корнилов потребовал от Временного правительства введения смертной казни для революционеров. Согласно показаниям самого Завойко, Корнилов не делал без него ни одного шага. Кандидат в военные диктаторы России был пешкой в руках своего ординарца — приказчика русских, французских и английских бизнесменов.

Тогдашний английский посол в России Бьюкенен пытается в своих воспоминаниях отвести подозрения от определенных английских кругов, участвовавших в закулисной подготовке корниловского путча. «Главный советник Корнилова Завойко, — мимоходом замечает Бьюкенен, — предназначался на пост министра финансов, но его прошлое было таково, что он не заслуживал доверия». Бьюкенен умалчивает о том, что не заслуживший доверия Завойко и летом 1917 года по-прежнему находился в контакте с влиятельнейшими лондонскими кругами, притом не только через английского военного атташе генерала Нокса, с которым он тесно сотрудничал.

Уже в 1917 году было известно, что корниловцы вели переговоры с влиятельными военными и политическими кругами Антанты.

Кто вел эти переговоры?

В августе 1917 года, накануне корниловского путча, в Петроград прибыл из Лондона бывший член Государственной думы А. Аладьин и остановился на квартире Завойко. Явившись в военное министерство к помощнику Керенского Савинкову, Аладьин, по показаниям Савинкова, заявил, что послан в Россию «английскими политическими деятелями для осведомления их о русских делах». Аладьин затем отправился в Москву, где 13 августа был принят приехавшим на Государственное совещание Корниловым для доклада «о международном положении». Аладьин, сообщала буржуазная газета «Русское слово», представил Корнилову в ходе «весьма продолжительной беседы» «вполне исчерпывающие объяснения» о «наших взаимоотношениях с Англией и Францией». Чего тогда не сообщали газеты и о чем только после Октябрьской революции рассказал рассорившийся с англичанами Керенский — это то, что Аладьин привез Корнилову конфиденциальное письмо от английского военного министра лорда Мильнера, в котором последний высказывался за диктатуру Корнилова и одобрял его заговор. Это письмо сразу окрылило корниловцев: Англия подтверждала, что она на их стороне! Аладьин поехал вместе с Корниловым в Ставку и стал у него вторым человеком после Завойко.

Мильнер был не только военным министром, но и крупнейшим колониальным политиком Англии. Два десятилетия спустя его ученики составили известную «клайвденскую клику» мюнхенцев. Помимо того, Мильнер был своим человеком в Сити; после войны он стал председателем меднопромышленного концерна Ротшильдов «Рио-Тинто». Накануне Февральской революции Мильнер приезжал в Россию и установил личные

связи с буржуазными политическими группировками. Резидент английской разведки Хор свел его с Петром Струве.

Аладьин — посредник между Мильнером и Корниловым — принадлежал к той же породе «темных личностей», что и Завойко, его «хороший знакомый», с которым, по всем признакам, он был связан коммерческими узами. В Англии Аладьин был известен в качестве корреспондента черносотенной газеты Суворина «Новое Время», членом издательского совета которой был Гучков, а также как агент оставшейся неизвестной фирмы в Лондоне. Имеются основания полагать, что речь шла о той же Генеральной нефтяной корпорации Лианозова — Путилова, директором которой был Завойко. Возможно, что в качестве корреспондента суворинской газеты Аладьин имел отношение к выходящей накануне войны в Лондоне «Англо-русской газете», занимавшейся усиленным рекламированием русских нефтяных акций среди биржевиков Англии.

Теперь Аладьин, этот англо-русский делец и авантюрист, намечался министром иностранных дел в кабинете Корнилова. Любопытно, что составленный Завойко список членов этого кабинета, кроме самого Завойко и Аладьина, включал еще одного дельца лианозовской группы: на пост министра продовольствия предназначался В. Троцкий-Сенютович — член правления «Товарищества нефтяного производства Г. М. Лианозова сыновья», а также директор все той же англо-русской Генеральной нефтяной корпорации в Лондоне. Портфель министра торговли и промышленности намечалось отдать компаньону Рябушинского — Третьякову.

Нефтяные магнаты назначали контрреволюционное правительство для России совершенно так же, как если бы они на собрании акционеров переизбирали правление своего концерна.

Приближался день корниловского путча, назначенный на 26—27 августа. Керенский энергично расчищал ему путь, усиливая террор против большевистской партии, арестовывая ее активных членов. Как известно, заговорщики считали, что успех почти обеспечен и что революционное движение масс будет наконец потоплено в крови. Предполагалось, что в то время, как посланный Ставкой кавалерийский корпус с «дикой дивизией» корниловцев подступит к Петрограду, тайная военная организация «Республиканского центра» и «Союза офицеров» захватит город и сразу начнет массовые аресты революционных рабочих и казни большевиков. План вооруженного захвата столицы был составлен, список нового правительства — с Керенским или без него — готов, договоренность с финансистами зафиксирована аккуратно по всем пунктам. Еще 13 августа, находясь в Москве, Корнилов принял Путилова и Вышнеградского, которые якобы доложили ему о «финансовых затруднениях страны». К 16 августа в Ставку для совещания по поводу устройства новой власти были приглашены виднейшие лидеры реакции, в том числе кадетский лидер и адвокат Рябушинского Маклаков, сам Рябушинский и его компаньон по Московскому банку Третьяков. Московская группа торгово-промышленных тузов действовала заодно с петроградской. Столь же точно обо всех деталях заговора были осведомлены в Лондоне и Париже.

Английский посол Бьюкенен писал в своей книге «Моя миссия в России»:

«В среду 5 сентября (23 августа по старому стилю.— А. Л.) один мой русский друг, директор одного из главных петроградских банков, явился ко мне и рассказал, что... ему поручено некоторыми людьми, имена которых он назвал, передать мне сообщение... Их организация поддерживается рядом важных финансистов, может рассчитывать на содействие Корнилова и армейского корпуса, начнет операции в следующую субботу 8 сентября (26 августа.— А. Л.), правительство будет арестовано, и Советы распущены. Они надеются, что я помогу им, предоставив в их распоряжение английские броневики и содействуя их побегу в случае провала дела».

Не какой-нибудь дипломат или царский генерал и не кадетский политик, а банкир ведет с английским послом переговоры об участии иностранной державы в путче. Так «делалась» внутренняя интервенция.

Бьюкенен, разумеется, утверждает, что, хотя «все его симпатии были на стороне Корнилова» и хотя он обещал заговорщикам их не выдавать, он будто бы возражал против такого «весьма наивного метода» переговоров с ним и даже советовал отказаться от всего предприятия. Слова Бьюкенена расходятся с делом.

В действительности Бьюкенен и его военный атташе Нокс, с самого начала настаивавшие на сговоре Керенского с Корниловым, сделали все, чтобы помочь заговорщикам. Еще 5 июля Бьюкенен передал министру иностранных дел Временного правительства Терещенко — дельцу, связанному с английским капиталом, — записку Нокса; английский генерал требовал в ней «разоружения всех рабочих в Петрограде», ареста «агитаторов» (то есть большевиков), введения смертной казни в армии, создания офицерской милиции в Петрограде и других больших городах, введения военной цензуры и разоружения всех военных частей в Петрограде, которые не согласятся с этими условиями. Нокс разговаривал с Временным правительством, как будто он находился в английской колонии. Его требования были требованиями Корнилова. Нокс подчеркивал, что видит в их удовлетворении «самый последний шанс».

Нокс занимался не только ультиматумами в колониальном стиле. Накануне корниловского мятежа Москва оказалась наводненной контрреволюционной листовкой «Корнилов, национальный герой», написанной Завойко. Керенский сообщает в своей книге задним числом: «Эти листовки были напечатаны за счет британской военной миссии и привезены в Москву из британского посольства в Петрограде в вагоне Нокса, английского военного атташе».

Когда корниловцы начали свое наступление на революционный Петроград, в их рядах были английские и французские офицеры, переодетые в русские мундиры. С «дикой дивизией» шли английские броневики. Бьюкенен, будто бы с таким достоинством отказавшийся помочь заговорщикам, сделал все, о чем они его просили, и больше. Когда революционные рабочие и солдаты покончили с заговором и провал корниловской авантюры был уже совершившимся фактом, Бьюкенен и Нокс еще пытались спасти дело. 28 августа Бьюкенен передал Терещенко заявление представителей союзных держав, в котором «единственно в стремлении служить интересам и России, и союзников», а также «в интересах гуманности» они предлагали свое посредничество между Временным правительством и Корниловым. Даже 31 августа, когда Корнилов ежеминутно ждал своего ареста, Нокс предложил английскому правительству послать телеграмму Керенскому, советуя ему «в интересах союза (то есть Антанты.— А. Л.) договориться с Корниловым». Бьюкенен, по его же словам, заявил Керенскому:

«Неудача предпринятой Корниловым попытки государственного переворота уничтожила мои последние надежды на улучшение положения».

Рабочий класс одним толчком отбросил душителей революции. Когда агент лондонских нефтяных магнатов и «серый кардинал» Корнилова В. Завойко накануне путча провожал на Могилевский вокзал правого политика В. Львова, которого он посылал в Петроград для переговоров с Керенским, он, как передает в своих мемуарах генерал Нокс, сказал ему:

«Помните о трех вещах: Петроград — на осадное положение, Корнилова — военным диктатором, правительство — в отставку».

Все получилось иначе. По призыву большевиков рабочие, солдаты, железнодорожники поднялись на защиту революции и преградили корниловцам путь в столицу. В то время как министры Временного правительства занимались болтовней в своих кабинетах, а Керенский до самого последнего часа вел двойную игру с эмиссаром Корнилова В. Львовым, простой, трудящийся люд в течение нескольких дней ликвидировал контрреволюционный мятеж. Победу одержал не Корнилов и не назначивший его и интриговавший вместе с ним Керенский, а революционный народ, руководимый партией большевиков. Это тогда же пришлось признать Бьюкенену, отметившему в своей книге, что только одни большевики «имеют определенную политическую программу». Это означало: такую программу, за которой идет народ.

Корнилов был разбит. Керенский метался в панике. Ленин уверенно вел страну к социалистической революции. Но прогоревшие душители революции в Лондоне и Париже не складывали оружия. Напротив. В последнюю минуту они попытались удвоить свои усилия.

..*

Седьмого октября в письме к питерской городской конференции большевиков Ленин предупреждал о заговоре «между русскими и английскими империалистами, между

Керенским и англо-французскими капиталистами... об отдаче Питера немцам и об удушении русской революции таким путем».

Так и обстоит дело. Ленин указывал, что заговор заключен «через каких-нибудь корниловцев (Маклакова, других кадетов, «беспартийных» русских миллионеров и т. п.)».

Группа Путилова — Лианозова — Вышнеградского продолжала действовать. Несмотря на провал корниловского путча, контрреволюционные генералы по-прежнему признавали верховенство этой группы. 12 сентября начальник штаба нового верховного главнокомандующего Керенского генерал Алексеев обратился к Путилову, Вышнеградскому и другим миллионерам из тайного контрреволюционного центра с просьбой прислать деньги семьям арестованных корниловцев. И этот генерал — будущий организатор белых армий — знал, к кому обращаться. 15 октября один из главных руководителей того же центра, нефтяной магнат и кадет Лианозов, заявил американскому корреспонденту Джону Риду:

«Революция — это болезнь. Рано или поздно иностранные державы должны будут вмешаться, как всякий вмешался бы, чтобы вылечить больного ребенка и научить его ходить. Конечно, делать так более или менее не полагается, но нации должны учесть опасность большевизма в их собственных странах — таких заразных идей, как «пролетарская диктатура» и «международная социальная революция».

Задолго до Черчилля и еще до Октябрьской революции Лианозов был одним из первых — если не первым, — кто пустил в ход аргумент о «международной опасности большевизма», облетевший потом весь капиталистический мир. Он же прямо предлагал иностранное вмешательство, то есть переход от скрытой, внутренней, интервенции Антанты к открытой вооруженной интервенции. Для Лианозова народ России был «больным ребенком», которого он, Лианозов, научит ходить, а Антанта вылечит палкой.

В беседе с американским корреспондентом нефтяной миллионер раскрыл все карты: «Что касается большевиков, — продолжал Лианозов, — то с ними можно покончить одним из двух методов. Правительство может эвакуировать Петроград, затем будет объявлено осадное положение, и командующий военным округом может расправиться с этими господами без юридических формальностей».

Английский военный атташе Нокс записал в своем дневнике предложение, переданное ему каким-то полковником контрреволюционного генерального штаба. В предложении говорилось, что Англия должна призвать в Россию японцев и американцев, нанять убийц, чтобы покончить с Лениным, устроить бомбардировку газовыми бомбами помещения, где собираются большевики. 21 октября в кабинете начальника американской миссии Красного Креста в Петрограде миллионера Томпсона было созвано секретное совещание военных представителей союзников в России. Только один пункт стоял на повестке дня: удушение большевизма. Обезумевший от ненависти французский генерал Ниссель, очевидно вспомнивший генерала Галифе, палача парижских коммунаров, назвал русских солдат «собаками». Английский генерал Нокс выразился суше. «Единственное, что сейчас возможно в России, — это военная диктатура, — заявил он. — Этим людям нужен кнут».

Почва горела под ногами Лианозова, Путилова, Нокса, Бьюкенена, Нисселя, Томпсона и всей клики миллионеров. Социалистическая революция наступала на тех, кто хотел ее удушить. Умнейшие из них понимали, что дело проиграно: нельзя арестовать целый народ. Нокс, потребовавший кнута, писал в своих мемуарах: «Мы были бессильны помочь нашим друзьям».

Да, все было тщетно. Считая тех, кто пытался удушить революцию, рабочий класс России под руководством ленинской партии брал власть в свои руки.

Цена 9 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР»
Москва, Центр, площадь Пушкина, 5.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА 1958 ГОД

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Н О В Ы Й
М И Р

Журнал «Новый мир» выходит
без переплета и в переплете

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 1958 ГОД:

	12 мес.	6 мес.	3 мес.
Без переплета	84 р.	42 р.	21 р.
В переплете	108 р.	54 р.	27 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

городскими и районными отделами «Союзпечати», конторами, отделениями и агентствами связи, почтальонами, а также уполномоченными по приему подписки на фабриках, заводах, стройках, шахтах, железнодорожном транспорте, в совхозах, колхозах, МТС, учебных заведениях, учреждениях и организациях.

Сканирование - ?????????
DjVu-кодирование - Беспалов

